

Племя младое, незнакомое...

Наталья ДЕНИСЕНКО

* * *

Из моего окна не увидать фронта.
В наших широтах стоны войны не слышны.
Артиллерийских дуэлей гневные ноты
Не нарушают в ночь городской тишины.
Лишь раздаются возгласы электричек,
Визги и шелест автомобильных колёс,
Лишь по утрам тяжёлых из дальних больничек
К центру несут винты синеватых стрекоз.
Я возвращаю полке томик Бальмонта.
Даже стихи померкли. Вскипает огнём
В рёбрах бессонных кварталов линия фронта,
Густо рокочет через сердечный разлом.

* * *

Всё на войне, как в жизни,
Будничное, простое.
Только горнило боя –
это совсем другое.
Действо между мирами,
На острие тончайшем –
Там, где столкнулись лбами
В ярости величайшей
Боги огня и дыма,
Боги войны и света,

На килотонны пыли
Разворотив планеты,
Выпив вселенной токи,
Обезоружив звёзды.
Бурые гимнастёрки
Часто легли на склоны
Пашни умалишённой,
Сгладив её морщины.
Кто там идёт колонной –
Боги или мужчины?

* * *

Старики остаются.
Не из упрямства, не потому,
что характер скверный.
Потому остаются,
что в них больше чувства –
столетия чувства и веры.

Новой памяти мало:
о том, для чего эти кнопки,
где очки, как идти к подвалу.
Старой памяти много:
всё, что дорого, помнят,
всех помнят, кого не стало,

кто в земле отдыхает,
но всё ещё близко к сердцу,
лежит в остановке отсюда.
Старики разбивают
весенний цветник под окном,
засыпают в ожидании чуда.

Всё вокруг принимает
их очертания, дышит любовью,
старики как дети смеются.
Снова не гнутся колени,

старики подходят к серванту –
взглянуть на мамины блюда.

И когда прилетает
в их дом фугасный снаряд,
на всех этажах вышибает стёкла.
Отшатнувшись, стена
толкает советский сервант,
и сервант кричит, весь в осколках.

И тогда старики
отползают в дальние комнаты,
в угол забьются, сидят без звука.
К ним приходят коты
откуда-то сверху, соседские,
и, пристроившись, греют руки.

РОССИЯ, ВСТАВАЙ!

Многолетней травой-муравой
Поросли вековечные раны.
И курганы, курганы, курганы
Над полями Второй мировой.

А на Русской равнине война
Разгулялась и стала Великой.
Дым отечества тает на лицах,
Голос крови твердит имена.

Помолчим. Нет числа именам
Тех людей, чья крылатая юность
В пекло первых боёв окунулась
И сразилась, и сгинула там.

А потом за солдатом солдат
Поднимался из пыли окопной, –
Кто в атаку, в момент поворотный,
Кто до неба – проведать ребят.

С той поры мы рождаемся в май,
По проспектам шагают святые
И трубят через горны витые:
– Просыпайся, Россия, вставай!